

„Никоновский“ летописный свод и Иоасаф, как один из его составителей

В новом выпуске «Летописи занятий Постоянной историко-археографической комиссии» имеется статья Н. Ф. Лаврова «Заметки о Никоновской летописи».¹ Проверив по источникам предшествующие работы по этому вопросу А. А. Шахматова, Н. П. Лихачева и С. Ф. Платонова, автор дает свои выводы. Тщательность произведенной им работы располагает к принятию этих выводов, особенно в его конечных итогах, касающихся взаимоотношения редакций частей основных списков Никоновского свода и их источников.

К сожалению, автору осталась неизвестной моя работа о западнорусском Хронографе, напечатанная в 1912 г. в той же «Летописи занятий Археографической комиссии». Она избавила бы его от необходимости вдаваться в некоторые излишние тонкие соображения и не только повторить, но и стремиться закрепить неверное мнение о времени составления Никоновского свода. Что Хронограф был одним из источников этого свода, об этом автор должен был знать и из предисловия в издании этого свода, а особенно из работ А. А. Шахматова.

Вот почему мне приходится теперь вторично выступать с некоторыми из положений этой своей работы.

Напомню прежде всего, что основными списками Никоновского свода, на изучении которых основывается решение вопроса о процессе и времени его составления, являются два списка: П(атриарший) и О(боленского). Пересмотрев работы упомянутых ученых по исследованию этих списков, Н. Ф. Лавров говорит, что «наиболее прочным выводом из предшествующего изложения ученых мнений по поводу Никоновской летописи можно полагать то, что первая часть списка О, лл. 1—939, есть древнейшая дошедшая до нас рукопись Никоновской летописи и

¹ Читано в заседании Историко-археографической комиссии 13 II 28 г.

² Вып. I (XXXIV), 1927, стр. 55—90.

датировать ее скорее всего следует тридцатыми — сороковыми годами XVI в.,¹ и ниже он еще точнее определяет, что «составление списка О нужно приурочивать к 1539—1542 годам».² Это относится к первой части списка О, вторая же часть, годà 1520—1556, равно как и весь список П, относится к этому последнему 1556 году.

Между тем исследование одного из источников Никоновского свода, именно упомянутого Хронографа западнорусской редакции, показало, что и первая часть списка О средактирована в 50-х годах XVI столетия. Как доказано в этой работе, Никоновский свод пользовался западнорусским Хронографом именно в той его редакции, какую сохранили нам все известные нам его списки и какая издана Археографической комиссией в Полном Собрании Русских Летописей (ПСРЛ) т. XXII, ч. 2, т. е. в редакции, пользовавшейся Хроникой Мартина Бельского. А так как эта хроника Бельского появилась впервые в 1551 г., то, прибавляя сюда время на переход ее в Россию и на составление сначала западнорусского Хронографа, а потом и Никоновского свода, мы и получаем для окончания последнего приблизительную дату с 1553 до 1556 г. Это именно основание, выставленное мною в указанной статье специально против мнения А. А. Шахматова, отодвинувшего было время составления первой части списка О к 1539 г., и заставило его в Новом Энциклопедическом Словаре Брокгауза и Ефрона вернуться к прежней мысли о том, что Никоновский свод был составлен в 50-х годах XVI в., о чем с недоумением говорит Н. Ф. Лавров.³ Это недоумение тем более странно, что там А. А. Шахматов как раз указывает и основание такого датирования, ссылаясь при этом на мою работу, называя прямо мою фамилию.

Теперь я, конечно, чувствую себя обязанным с этой новой точки зрения объяснить те данные, которые заставляли прежних исследователей, а также и Н. Ф. Лаврова, отодвигать редакцию первой части списка О к 30—40-м годам XVI столетия. Этими данными были: палеографические наблюдения над списками О и П, с одной стороны, и так называемая Иоасафовская летопись — с другой. Именно, анализ бумаги и почерков привел Н. П. Лихачева к выводу, что первая часть списка О, именно лл. 1—939, старше всех прочих и начало ее относится к 30-м годам XVI столетия, а конец к началу 50-х годов.⁴ Я не знаю, поскольку можно точно отличить почерк 30-х годов от почерка 50-х, но выводы Н. П. Ли-

¹ Назв. соч., стр. 63.

² Н. Ф. Лавров, назв. соч., стр. 71.

³ Там же, стр. 63.

⁴ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I, стр 326—333.

хачева основывались главным образом на анализе бумаги: «Знаки (бумаги) этой части рукописи», пишет он, «заводят нас очень далеко вглубь первой половины XVI столетия».¹ Но ведь бумага может дать точный термин для определения только времени, раньше которого текст не мог быть написан, а позже, особенно на два-три десятка лет, сколько угодно. Поэтому бумага и почерк сами по себе несколько не препятствуют положению, что и первая часть списка О написана в 50-х годах XVI столетия. Дело другого рода, отмеченные Н. П. Лихачевым, а особенно С. Ф. Платоновым прерывы почерков, их смены, оттенки чернил, самый внешний вид той или другой части — все это является показательными данными для суждения о процессе составления памятника. И выводы с помощью этих данных являются уже более определенными: так как вся первая часть списка О писана на бумаге одного периода, одним почерком (за весьма малыми исключениями), без пробелов, без поправок начерно (за одним лишь исключением), и оборот ее последнего (939-го) листа настолько загрязнен и захватан, что явно был когда-то последним листом рукописи, то ясно, что эта первая часть списка О представляет собою беловую копию и одно время существовала самостоятельно, послужив, между прочим, в части известий от 1471 по 1488 г. оригиналом для списка П. нас сейчас не интересуют другие части этого списка, но отмечу только, что Н. П. Лихачев все-таки оказался прав, не решившись резко отрывать вторую часть от первой и сблизивши окончание первой части и начало второй, что по словам Н. Ф. Лаврова, еще больше сглаживал А. Е. Пресняков, видя здесь перерыв «не в составлении, а лишь в переписке».² Наконец и открытие Иоасафовской летописи, введшее в заблуждение А. А. Шахматова, дает нам лишь указание, что все эти смущавшие признаки древности составления первой части списка О нужно отнести лишь к этому ее источнику.

Для дальнейшего уяснения истории первой части списка О я опять укажу на мою работу о западнорусском Хронографе. Наблюдение над текстами этого Хронографа и Никоновского свода обнаружило в них ряд общих, сближающих их данных. Так, оказывается, что в руках составителей этих текстов был Хронограф редакции 1512 г. одного и того же типа, именно, типа списка Погодинского № 1443, причем интересно отметить, что в этом Погодинском списке мы встречаем дополнения, источником которых была также Хроника Бельского (появившаяся, напомним, не раньше 1551 г.), которой пользовался составитель западнорусского Хронографа. Так, в конце статьи о Феодосии Великом к словам «добре царство править» написано из Бельского: «11 лѣтъ и всего живота его 50 лѣтъ, а родомъ былъ Испан-

¹ Там же, стр. 329.

² Н. Ф. Лавров, назв. соч., стр. 62.

ские земли». ¹ Таковую же приписку можно читать еще в конце 159 л. с интересной для эпохи прибавкой самого редактора, именно, после перечня одиннадцати «кравлевствъ латынского имени» он добавляет: «Сицевымъ оубо чиномъ в настоящее сие время крали латыньские между себя своя седалища и достоинства хранят. Но оувы, оувы, оубо боязнено есть ради времени преобращенія и случая непостояннаго: во время бо покоя безо всякого, яко видимъ, яко слышим, яко чьемъ, царства преобращаются отъ имени во имя, отъ чина въ чинъ, отъ богатства на оубожество. . . и от силы в незапное паденіе. Стояти оубо долго ни царство, ни сила, ни честь, ни образ, ниже вѣкъ, ни богатство въ преходящемъ семь миру не довѣютъ, никоя оубо сила, никакая власть, никое царство подъ небеснымъ кругомъ быти продолжено можетъ, никоторому лѣтъ есть на единой всегда стояти степени, ничтоже челоуѣку оутвержено. . . » и т. д. ² Я не стану приводить примеров для доказательства того, что оба памятника пользовались именно этим типом Хронографа, — их достаточно дано в указанной статье. ³ Далее, связь этих памятников обнаруживается в одном литературном приеме, наблюдающемся в них обоих. Именно, в Никоновеком своде бросается прямо в глаза стремление составителя устанавливать, где возможно, династическую связь княжеских родов, как напр. «Преставися. . . кн. вел. Иванъ Ивановичъ. . . , внукъ Даниловъ, правнукъ Александровъ, праправнукъ Ярославъ, препраправнукъ Всеволожъ, пращуръ Юрья Долгорукова, прапращуръ Владимира Мономаха, препрапращуръ Всеволожъ Ярославича Владимерича». ⁴ Подобные титулы сопровождают имена не только великих князей, но и князей и княгинь удельных, если только они принадлежат к основной линии. Поэтому ими иногда прямо пестрят страницы этой летописи. Вот этот же прием встречаем мы и в западнорусском Хронографе. Конечно, здесь применение этого приема сравнительно с Никоновским сводом естественно крайне ограничивалось тем, что ведь в нем русские летописные статьи опущены, но тем интереснее, тем показательнее для нас, что он применен здесь к лицам истории византийской, южнославянской и даже турецкой. Так, напр., в статье «Царство 54» составитель, переименовав один источник (Манассию) на другой (Зонару), принужден был дать свою редакцию началу этой статьи, и мы читаем: «По Иване же Цымисхиі царствова во Царяграде Василие Порфирогенитосъ, сынъ Романовъ, внукъ же Константиновъ, правнукъ Лва Премудрого». Я дополню этот пример рядом других, не указанных в моей статье. Так, в конце статьи о Иване

¹ См. изд. Хронографа ред. 1512 г. стр. 283, вар. 4 и Хроника Бельского, список Публичной библиотеки F. IV. 162, л. 375.

² Там же, стр. 327, вар. 7 (где ошибочно стоит В вм. П).

³ Летопись занятий Археологической комиссии, 1912, стр. 11—12.

⁴ ПСРЛ, т. X, стр. 230.

Цымихши, после слов «прозябе Василіе купно с Константиномъ, Багрянородныя отрасли Романовы» прибавляет от себя: «внуцы Константиновы, правнуцы Лва Премудраго царя, праправнуцы Василия Македонянина»;¹ или в статье «Царство Болгарское» после слов «Василія царя Багрянороднаго» вставляет: «сына Романова, внука Константинова, правнука Лва Премудраго»,² или в статье «Царство Сербское» после слов «Царь Милутинь» прибавляет: «сынъ Стефановъ, Храпаваго краля, внуку Стефановъ же Первовѣчаннаго краля, правнуку же святаго Симеона мироточца»;³ или в статье «Царство 83» после слов «Милица, дщи Вратка князя» прибавляет: «внука Вратислава князя, правнука Дмитра жупана, праправнука вел. кн. Волкана, препраправнука святаго Симеона мироточца»;⁴ или в статье о турецких султанах после слов «Махометь 2, царь Турецкій», прибавлено: «сынъ Амуратовъ, внуку Махометовъ, правнуку Амуратовъ, праправнук Арканов, препраправнуку Амотомановъ».⁵ Много еще подобных мелких добавлений, определяющих именно преемственную родовую связь. С другой стороны, вот таких мелких добавлений, как «сын», «внук», «супружница», «шурин», много делает и редактор Никоновского свода в своих заимствованиях из хронографического текста, причем в этих вставках, а также перемещениях видна полная свобода, говорящая о том, что он вполне владел этим текстом, он был в нем как дома.

Этих данных, я думаю, достаточно, чтобы оправдать поставленную мною гипотезу отождествления личности составителя западнорусского Хронографа и, как я тогда выразился, «одного из главных редакторов Никоновского свода». Теперь я нахожу возможным сказать еще точнее, именно: редактора первой части списка О.

Это предположение естественно вызвало прежде всего вопрос: а как, в таком случае, эта только что указанная редакторская особенность проходит в Никоновском своде? Оказалось, она есть только в первой его части, во второй же — буквально ничего подобного. Это, конечно, делает мою гипотезу вполне правдоподобной.

Могу, наконец, закрепить ее еще указанием, что оба эти памятника и составлены окончательно почти одновременно или непосредственно один за другим в период от 1553 до 1555 г.

Естественно теперь, что при таких данных тем настойчивее требует к себе внимания вопрос о личности составителя этих памятников, а также об обстоятельствах и условиях, в которых они созданы. Вопрос очень трудный, так как ни один,

¹ Там же, т. XXII, ч. 2, стр. 165.

² ПСРД, т. XXII, ч. 2, стр. 183.

³ Там же, стр. 186.

⁴ Там же, стр. 192.

⁵ Там же, стр. 234.

кажется, из известных нам источников не дает на это каких-либо более или менее определенных указаний. Приходится, следовательно, пока хоть нащупывать путь к решению этого вопроса и довольствоваться подходящей гипотезой, как рабочей.

Прежде всего я коснусь вопроса о месте составления Никоновской летописи. Опять я напомним, что имею здесь в виду прежде всего и главным образом основную часть летописи, т. е. первую часть списка О. Естественнее всего было бы предположить, что местом составления этой летописи была Москва, особенно если мы примем как-то всегда предполагавшееся, а теперь и определенно сформулированное в статье Н. Ф. Лаврова, представление, что возникновение Никоновского свода «следует приписать правительственной инициативе».¹ Но следует обратить внимание на помещенную пред текстом этого свода статью «Данье вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского въ Сергеевъ монастырь», а также, вслед за ней, и о дарах тому же монастырю вел. кн. Василия Дмитриевича² — уместна ли эта статья в общерусском правительственном летописном своде? Конечно, нет. В ней мог быть заинтересован и считать ее очень важной только сам этот Троицкий Сергиев монастырь. Тогда нельзя ли отсюда сделать вывод, что во всяком случае первая основная часть Никоновского свода, т. е. первая часть списка О, составлялась не в Москве, а в Троицкой лавре и не по правительственной, а по частной инициативе и до известного момента была собственностью этого монастыря?

Нельзя ли, далее, наличие в Никоновском своде указанной статьи о княжеских вкладых в Сергиев монастырь поставить в связь с установленным А. А. Шахматовым одним из основных источников этого свода, именно Иоасафовской летописью, названной им так по киноварной записи на ней этого имени Троицкого игумена? Указываемая Н. Ф. Лавровым очень вероятная поправка А. Е. Преснякова, что Никоновский свод пользовался не этой самой Иоасафовской летописью, а общим им оригиналом, который Н. Ф. Лавров определяет как «недошедшую до нас редакцию Софийской второй летописи»,³ не меняет дела: все равно, отсюда мы можем извлечь предположение, что как этот источник, так и пользование им составителем первой части списка О могло быть в Троицком монастыре. А что в Троицком монастыре, помимо этой Иоасафовской, были в это время и другие летописи, это мы точно знаем из описи домашнего имущества царя Ивана Васильевича,⁴ где упоминаются

¹ Н. Ф. Лавров, назв. соч., стр. 90.

² ПСРЛ, т. IX, стр. XXII—XXIII.

³ Н. Ф. Лавров, назв. соч., стр. 90.

⁴ Иконников. Опыт историографии, т. II, ч. 2, стр. 1116, прим. 9, со ссылкой на Времен. Общ. Ист. т. VII, стр. 6—7.

«лѣтописи, которыя брались изъ Троицкаго монастыря». Мало того, нам известно, что в Троицком монастыре в это время велась работа и по продолженію летописи: в «Государевом Родословце», составленном в 1555 г., мы читаем: «а про выѣздъ Проконія Войтеговича вѣдомо въ Посольскомъ Приказѣ въ Выѣздной книгѣ, да у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ въ записной лѣтописной книгѣ».¹

Перехожу теперь къ личности составителя первой части списка О. Отмечу прежде всего в содержаніи Никоновской летописи некоторые лишніе, повидимому, сравнительно с источником статьи, введенные его составителем. Именно, летописные известія о митрополите Исидоре и «проклятомъ»² Флорентійском соборе останавливаютъ вниманіе составителя, и он вставляетъ в свод Сказаніе о Латыняхъ в окруженіи целого ряда полемическаго матеріала: Святаго 7 вселенскаго собора... правило 1 (XII, стр. 43); Отъ Никоновскаго посланія (стр. 43—49); Святаго 6 собора, иже въ Трулѣ прав. 55 (стр. 49); Отъ житія св. Симеона Чудотворца, иже на Дивней горѣ (стр. 49—50); Св. апостоль прав. 5; Правила Трульскаго и Карфагенскаго соборовъ съ толкованіями (стр. 50—54); Фотія патр... о св. Духѣ и объ опрѣсноксахъ (стр. 59—60). — Как видим, эти статьи, да еще в такомъ количествѣ (около 20 печатныхъ страницъ), мало подходятъ къ историческому сборнику и вызваны, очевидно, какимъ-то личнымъ интересомъ къ нимъ составителя. Вывода отсюда я пока не делаю, я вернусь къ этому потомъ.

Далее. Я отметилъ, какъ характерную особенность редактора Никоновской летописи — слѣдить за генеалогіей князей и указалъ, что эта особенность есть только в первой части списка О. Но и в этой части она не доходитъ до конца: последнее, кажется, известіе в такой редакціи читается под 1445 г.: «да князь Василій Ярославичъ, внукъ Володиміровъ, правнукъ Андреевъ, праправнукъ Ивана Даниловича Московскаго». Но руку этого редактора мы можемъ еще усмотрѣть под 1453 г., где он помещаетъ из западнорусскаго Хронографа, а можетъ быть и в оба эти памятника самостоятельно, къ чему я склоняюсь больше, статью о взятіи Царьграда турками, а с 1454 г. уже никакихъ следовъ его мы не видимъ. Сопоставимъ теперь съ этимъ указаніе А. А. Шахматова, что начиная с 1454 г. и вплоть до конца, т. е. до 1520 г., текст Никоновской летописи почти тождественъ съ Иоасафовскимъ спискомъ:³ нельзя ли отсюда сделать заключеніе, что и первая часть списка О в его черновомъ видѣ не была доведена ее первоначальнымъ редакторомъ до конца, а лишь до 1454 г.?

¹ Н. П. Лихачевъ. Разрядные дьяки, стр. 414 и 551.

² ПСРД, т. XII, стр. 25.

³ Иоасафовская летопись. Журн. Мин. Нар. Просв. (ЖМНПр.) 1904 г., кн. 5, стр. 70—76.

Итак, к кому из известных нам деятелей начала второй половины XVI в. можно было бы приложить все эти указанные внешние и внутренние признаки? Очевидно, создать такие крупные памятники, как западнорусский Хронограф и Никоновскую летопись, могло лицо также только крупное. Это должен был быть человек и книжный, и идейный, должен он был или иметь такую энергию, как митр. Макарий, или иметь большой досуг и, наконец, деятельность которого оборвалась, не по его воле, около 1556 г. Таким человеком я пока могу, вслед за А. А. Шахматовым, назвать только митр. Иоасафа, умершего на покое в Троицкой лавре в 1555 г.

Обратимся к его биографии. Сведения о нем мы имеем очень скудные. Ни один митрополит не обрисован так скупо, как Иоасаф; в истории, напр., Голубинского сведения о нем уместились всего на 4 с небольшим страницах. Но зато, скажем наперед, лучше иметь за собой эти 4 страницы Иоасафа, чем 38 страниц его предшественника Даниила.

Иоасаф, по фамилии Скрипицын, в 1529 г. был избран игуменом Троицкого Сергиева монастыря из старцев того же монастыря;¹ в 1539 г. поставлен в митро-

¹ Является мысль отождествить личность митр. Иоасафа с личностью известного ростовского священника Георгия Скрипицы, автора очень смелого и едкого сочинения против определения Соборов 1503 года о запрещении вдовым попам священнодействовать (напечатано в Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1848 г., № 6. Списки указаны в Библиолог. Слов. Строева; см. еще Обзор м. Филарета). Хронологически исходя из даты 1529 г., года избрания Иоасафа игуменом Троицкого монастыря из «старцев» монастыря, это вполне допустимо. Умер Иоасаф несомненно в преклонном возрасте. Если мы предположим, что он жил 75 лет, а вряд ли меньше, раз он еще в 1529 г. числился в среде монастырских «старцев», то игуменом он стал на 50-м году, а следовательно, если предположить, что он происходил из вдовых священников, то и начало его вдовства, по соображению с датой Собора 1503 г., подходяще падало бы на 28-й год его жизни. Напечатанная в Современных Известиях (1880 г., № 317 и перепечатанная в Яросл. Епарх. Ведом. 1883 г., № 19 и 21) на основании устных рассказов и списков XVII и XIX вв. (см. статью Титова в Библиограф. Запис. 1892 г., № 5) легенда о священнике Георгии Скрипице (здесь ошибочно «Скриница») производит его из рода князей Шубиных (Георгий Петрович Шубин). Для сближения этих лиц можно еще отметить: 1) встречающиеся среди замечаний митр. Иоасафа на деяния Стоглавого собора его указание на деяния Собора 1503 года и именно по вопросу о вдовых священниках (Стоглав, Казань, 1512 г., стр. 200) и 2) указанные ниже факты более мирских чем аскетических взглядов митр. Иоасафа на жизнь, взглядов где-то, следовательно, настолько получивших свое закрепление, что монашеский период уже не мог их вытравить, а особенно его усердное и искреннее заступничество за крестьян, когда он в тех же замечаниях на деяния Стоглавого собора просит царя нужные для выкупа пленных деньги брать не с крестьян, а с митрополичьих и архиерейских казн и с монастырей, так как на крестьянах и так лежит много податей. Очевидно, что Иоасаф был близко знаком с крестьянским бытом, с крестьянской нуждой.

Конечно, всеми этими соображениями мною ставится только вопрос; решение его даст будущий биограф митр. Иоасафа на основании более детального и вдумчивого изучения соответствующего литературного материала.

политы; в 1542 г. низведен с митрополии и сослан в Кириллов Белозерский монастырь; после 1547 г. переведен в Троицкий Сергиев монастырь, где и скончался в 1555 и не позже 1556 г.¹

Общие нравственные принципы Иоасафа характеризуются, с одной стороны, его дружбой с Максимом Греком, которого он, получив власть, освободил от темничного заключения, а с другой — отрицательным отношением к Иосифу Волоцкому и симпатией к его врагам, заволжским старцам. Последнее видно и из составленного им жития Новгородского архиепископа Серапиона, низведенного с кафедры из-за ссоры с Иосифом Волоцким, и из замечаний на деяния Стоглавого Собора.² Среди последних характеризует его также замечание на постановление Стоглава о собирании денег для выкупа пленных: в этом замечании он просит царя, «чтобы не съ сохъ (или тягол крестьянских) имати тотъ окупъ. . . а изъ митрополичи и изъ архіенископли и изо всёхъ владычныхъ казнъ и съ монастырей со всёхъ. . . а християномъ, государь царь, и так твоей много тягли въ своихъ податъхъ. . . покажи имъ милость».³ Церковно-политические его взгляды характеризует его исповедание веры; которое он прочел при своем поставлении в митрополиты: в противоположность своим предшественникам, он не отрекается от патриарха Константинопольского, как сущего в области безбожных турок, но говорит: «во всёмъ послѣдую и по изначальству согласуя всесвятѣйшимъ вселенскимъ патриархомъ, иже православнѣ державшимъ истинную и непорочную христіанскую вѣру. . . а не тако, якоже Исидоръ припесе отъ новозлочестивнѣ процвѣтшаго несвященнаго латиньскаго собора».⁴ Высоту его нравственного характера определяет его отношение к Шуйскому: несмотря на то, что Иоасаф был поставлен на митрополию по указанию Шуйского, он все-таки не встал на сторону его партии, а объявил себя сторонником Бельского и потом в течение полутора лет господства Бельского был деятельным помощником последнего в деле управления государством, за что потом и поплатился от сторонников Шуйского лишением кафедры и заточением. Объясняя это отношение Иоасафа к Шуйскому, Голубинский говорит, что к этому побуждали его «не какие

¹ По А. В. Горскому, 27 июня 1555 года (История описания св. Троицко-Сергиевской лавры, М. 1879); также и у Е. Е. Голубинского (Преп. Сергей, Сергиевский Посад, 1892); а по Н. К. Никольскому 26 июня 1555 или 1556 г. (Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, вып. 1, стр. LXXVIII).

² Стоглав, Казань, 1912 г., 3-е изд., стр. 193—200. См. сообщ. И. А. Шляпкина в Отчете Общ. Люб. Др. Письм. 1899—1900, стр. 166.

³ Там же, стр. 199.

⁴ Акты Археогр. экспедиции, I, стр. 162. Здесь, думает Голубинский, Иоасаф вернулся, всего вероятнее, к старой формуле, и прибавкой являются только строки об Исидоре (История русской церкви, т. II, стр. 740, прим. 2).

нибудь расчеты личные, а заботы о благе государственном, (ибо) в Шуйском он видел правителя недостойного, каковым этот и действительно был, (а) в Бельском он надеялся видеть правителя лучшего».¹ Из церковно-правительственной деятельности Иоасафа считаю интересным здесь отметить составленный по его благословению и повелению священником Новгородского Софийского собора Агафonom — Великий миротворный круг, содержащий пасхальные расчисления на полный 532-летний индиктион и вместе руководство к этим расчислениям. Приписывается еще митр. Иоасафу редакция церковного Устава, находящаяся в Сборнике Троицкой лавры (№ 783, л. 599 об.), с киноварной пометкой на первых его листах «митрополита Иоасафа». Конечно, эта надпись говорит только о принадлежности Иоасафу самого сборника, но, как увидим ниже, ввиду деятельного участия митр. Иоасафа в современной ему церковной жизни, можно думать, что и редакция этого списка не миновала его участия.²

Здесь мы переходим уже в область умственных интересов Иоасафа. Образованность Иоасафа не подлежит сомнению. Голубинский говорит, что он принадлежал к числу «нарочито книжных людей своего времени». В библиотеках Троицкой лавры и Московской духовной академии сохранилось до 23 номеров рукописей (не считая богослужебных), принадлежавших митр. Иоасафу. Обзорение этих рукописей даже по одному их описанию приводит к выводу, что Иоасаф был не только «любитель книг», как говорит Голубинский и на что действительно указывает прекрасное письмо большей части этих рукописей, но и имел в них живое пособие и руководство в своей деятельности. Обратим внимание хотя бы на один перечень содержания этих рукописей: Псалтирь, Евангелие учительное, Апостол (где в месяцеслове внесены русские святые: митр. Петр, Борис и Глеб и кн. Владимир), Минея служебная (за ноябрь, с приложением службы Никону Радонежскому), Третофолой (за май и июнь со службами русским святым), Минея-четырь, Беседы Иоанна Златоустого, Поучения аввы Дорофея, Сборник поучений под названием «Пятиде-

¹ Голубинский, История русской церкви, т. II, стр. 740.

² Так думает Голубинский, хотя и с оговоркой: «со всею вероятностью [эта редакция] может быть усвояема самому Иоасафу или кому-нибудь из его современников» (т. I, пол. 1, стр. 620—621). Позднейший исследователь С. В. Юшков отвергает это участие Иоасафа, но в основание этого отрицания он кладет слишком шаткий фундамент, указывая, что этот иоасафовский список «как будто не является первоначальным подлинником». Кстати, автор колеблется, считать ли Степенную книгу источником этой редакции Устава, так как «возможно», что она пользовалась самими «летописными сказаниями, которые послужили источниками» для Степенной (Исследования по истории русск. права, Саратов, года изд. нет, вып. I, стр. 73), но здесь мы имеем определенное основание в исследовании П. Г. Васенка о составлении Степенной уже в 1560—63 годах, почему считать Степенную источником Устава прямо невозможно.

святца» (преимущественно из поучений Иоанна Златоуста, а из русских — Кирилла Туровского), Собрание сочинений Максима Грека, Патерик Печерский, 6 сборников житий святых, Пандекты Никона Черногорца, Тактикон его же, Мерило праведное, Кормчая (где последняя глава заключает в себе Правду Русскую), Устав церковный, Круг миротворный и Летопись с 1437 по 1520 г.¹ Не видна ли здесь хотя и маленькая, но явно подобранная подручная или подеобная библиотека (из которой многие еще рукописи несомненно исчезли). А что ее подбирала живая рука, живой активный ум, это сейчас же становится очевидным, как только мы заглянем поглубже в содержание этих рукописей даже только по одному описанию их. Оказывается, во-первых, почти все эти рукописи письма половины XVI в., т. е. очевидно переписаны специально для Иоасафа (чем и объясняется тщательность и красота их письма), а во-вторых, оказывается, что то в выборе списков текста, то в редактировании, то, наконец, прямо в составлении некоторых из них участвовал и сам Иоасаф. Об участии Иоасафа в составлении «Круга миротворного» я уже говорил. В описании, принадлежащего ему списка сочинений Максима Грека говорится, что «в первой половине рукописи на полях довольно современных написанию заметок и пояснений к тексту, писанных киноварью». Очень вероятно, что эти заметки принадлежат Иоасафу: все его подписи на рукописях сделаны именно киноварью, а кроме того уважение Иоасафа к сочинениям Максима Грека несомненно. В них, напр., мы найдем и источник упомянутого выше его исповедания веры, читанного им при поставлении на митрополию, именно в «Сказаніи (М. Г.) къ отрицающимся на постановление . . . еже не примати поставления на митрополию и на владычества . . . отъ Цареградскаго патриарха, акы во области безбожных Туркоу поганаго царя, и поставленнаго отъ нихъ не примати».² Обращает, затем, на себя внимание принадлежащий Иоасафу Патерик Печерский: как говорит писатель, это, оказывается, «наилучший список Патерика Печерекого», здесь важно и то, добавляет он, что «епископ Симон именуется владимирским Волынския земли».³ К подобной же категории нужно отнести и список Евангелия учительного:⁴ в XVII в. его, очевидно, как из наиболее исправных, брали по указу ц. Михаила Феодоровича и патр. Филарета в Москву, вероятно для издания. Интересен, далее, под № 684 Сборник житий св. отец. Здесь местами сохранились еще следы черновой работы

¹ Эта летопись (ркп. Моск. дух. акад. № 13/52) теперь хранится в библиотеке Археологической комиссии.

² Ркп. Моск. дух. акад. № 19, л. 373. Ст. 45.

³ Там же, № 193.

⁴ Там же, № 101.

составителя. Напр. в Житии Иоаннкия Великого¹ местами оставлены пробелы для нескольких слов и строк и даже целые страницы (прием, встречаемый в Буслаевском списке западнорусского Хронографа): так, на обороте л. 39 и 40 на поле написано: «отъ здѣ въ списекѣхъ (форма, встречающаяся в замечаниях Иоасафа на Стоглав) не право»; тоже на л. 85 и 92 с замечанием на приплетенных лоскутках бумаги: «аще гдѣ въ иномъ переводѣ обращается извѣстнѣйше сего, тамо да чтется». Но интереснее всего предисловие к этому сборнику: «Божією благодатію и преч. Богородица помощію переписахъ житіа св. преп. Отець. Писахъ же съ разныхъ списковъ тщася обрѣсти правыи. И обрѣтохъ въ спискѣхъ ошѣхъ многа неисправлена. И елика възможна моему худому разуму, сіа исправляхъ, а аже невозможна, сіа оставляхъ, да имущіи разумъ больше насъ, тѣи исправятъ неисправленная и наполнятъ недостаточная (напоминает предисловие Хронографа ред. 1512 г.). Азь же что написахъ, и аще кая обрѣщутся въ нихъ несогласна разуму истины, и азь о сихъ прошения прошу. А хто имать сіа переписовати или прочитати, да не пренисуетъ тако, ни прочитаеть, но истинное да пишеть и глаголетъ, еже есть угодно Богу и полезно души, понеже и азь грешный тако хошу. И не токмо же еже здѣ написахъ, но и индѣ что писахъ и глаголахъ, и аще что обращается въ тѣхъ негодно Богу и бесполезно души, ради моего неразуміа и невѣжества, — и о сихъ молю, да не творить кто тако, но лучше да творить, еже есть благоугодно Богу и полезно души. И азь о семъ радуюся и тако благодатью Божією прилагаю сіа, отъемля вину ищущим вину на вред души (просьба и замечание очень не лишние для современника Максима Грека!). Прочитающихъ же сіа и слышащихъ чтомыхъ пользу молю, да Господа ради помолятся о мнѣ, да и азь помилованъ буду отъ Бога, понеже не мало потрудихся въ сихъ, яко же мню, заповеди ради любве Божіа и ближняго. . . » и т. д. Я думаю, что и это предисловие (обращает на себя внимание его слог) и самый сборник (с его методологическими замечками) составлены митрополитом Иоасафом. Также, очевидно, думает и составитель описания, предлагающий сличить это предисловие с концом Жития новгородского архиеп. Серапиона. Это Житие,² как я упоминал, уже прямо приписывается Иоасафу: в описании сборника № 783, где помещается послание архиеп. Серапиона к митр. Симону, описатель, между прочим, отмечает, что в Житии Серапиона встречается выписка из надгробного Слова Григория Богослова Великому Василию, помещающагося в этом же сборнике, принадлежащем митр. Иоасафу, что, говорит он, «также может служить подтверждением, что Житие архиеп. Сера-

¹ Ркп. Моск. дух. акад. № 684, л. 82.

² Ркп. Моск. дух. акад. № 636 (1404), Служба и житие, полууст. XVII в. См. ркп. Ундол. № 252 и И. А. Шляпкии. Отч. Общ. Люб. Др. Письм. 1899—1900, стр. 166.

пиона составлено Иоасафом. Мощи Серапиона лежат в Троицком Сергиеве монастыре».

Зная теперь ближе личность митр. Иоасафа, мы не можем довольствоваться такой лишь продукцией его ума. Предположить, что его интересы вероятно вращались и в сфере тех же религиозно-нравственных вопросов, какими поглощены были Максим Грек, Артемий и другие их единомышленники и враги, мы не можем не только по отсутствию каких-либо намеков на его творчество в этой сфере, но и по явному отсутствию в нем самом склонности и к богословским тонкостям и к аскетическим идеалам. Я имею в виду, с одной стороны, указание Грозного (в его послании в Кириллов монастырь) на то, как «Иоасаф митрополить у Троицы съ крилошаны шировалъ», а в Кириллове монастыре хлопотал о прибавке поваров,¹ с другой — замечание Иоасафа к Стоглаву о необходимости в больших монастырях иметь всевозможные квасы.² Но Голубинский неправильно отсюда делает вывод, будто Иоасаф был «любитель хорошего стола», а на основании приведенных слов Грозного и вообще относит его к числу людей, которые «любят хорошо пожить».³ Мы не можем и вообще допустить, чтобы митр. Иоасаф, даже действительно будучи таким любителем, позволил бы себе в замечания на уложения собора внести точку зрения своего личного даже не взгляда, а вкуса, но если мы прочтем это место в контексте, то оно представится нам совершенно в другом свете. Это замечание Иоасафа относится к 49 главе соборных уложений: усиливая даже положение собора, что не следует допускать в монастырях отдельного стола по кельям, «ино то лицемѣрнии столы будут въ трапезѣхъ», Иоасаф выделяет «великих», т. е. князей и бояр, насильно постриженных, а также богатых владчиков, которых он предлагает, вместе со старыми и больными, не нудить ходить за общий стол, а «покоити их нужи по разсуженію и по чловѣку какъ имъ возможно быти». Имея их в виду, а также монастырских гостей, говорит он и о разнообразии в монастырских квасах, причем здесь он лишь немного распространяет фразу того же соборного уложения, разрешающего «пити квасы житные и медвяные всякие, кождо по своимъ обиходомъ».⁴ Иоасаф просто считался с действительностью и рассуждал по человечеству. Что касается показания Грозного, то можем ли мы придавать ему серьезное значение? Ведь это он пишет чуть не через двадцать лет по смерти Иоасафа,⁵ и

¹ Акты исторические, I, № 254, стр. 383.

² Стоглав, Казань, 1912, стр. 194—195.

³ Голубинский. История русской церкви, II, стр. 742.

⁴ Стоглав, Казань, 1912, стр. 108.

⁵ Это обличительное послание в Кир.-Белоз. монастырь было написано, по исследованию Н. К. Никольского, в 1573 г. (оттиск «Когда было написано облич. посл. ц. Иоанном Васильевичем в IV Кир.-Белоз. мон.»).

его имя, имя митрополита, понадобилось ему здесь просто как средство усилить яд своей речи. Ведь Грозный, этот, можно сказать, присяжный прокурор собственного его «я», в реабилитации своей постоянно уязвляемой совести, также как и в проявлениях своего страстного характера не останавливался ни перед чем, не считался ни с какими последствиями, кроме тех, которые ему были нужны. Такова, в данном случае, и цена его показаний. Несомненно, Иоасаф присутствовал на каком-то или хотя бы и на каких-то «пирях», но что он лично не был заинтересован в самих пирях, об этом свидетельствует всеобщее к нему уважение, а Грозного в особенности, как видно из всех документальных данных его жизни и деятельности.

Возвращаясь к основному. Вот такой личный взгляд Иоасафа на жизнь и не допускал его до роли учителя в общественной жизни. А кроме того, церковно-религиозная сфера была в ту эпоху настолько живой, современники ее были к ней настолько чутки, что активно участвующий в ней непременно с кем-нибудь сталкивался и таким образом выявлялся. Между тем Иоасаф не был замешан ни в одном из многочисленных тогда церковно-судных процессов. При этом следует еще отметить, что Иоасаф, несмотря на то, что очень долго жил на покое, явно пользовался уважением и в правительственной среде: по указу царя, постановления собора 1551 г. посылались к нему в Троицкий монастырь на рассмотрение, и его замечания дошли до нас в тексте этих соборных уложений. Ясно, что его не только уважали, но считались с ним, как с человеком ума активного. Это опять заставляет нас искать в чем-то продукцию этого активного ума. Указанная выше литературная его деятельность представляется недостаточной для такого человека и с таким громадным досугом. Ведь Иоасаф был сведен с митрополии в 1542 г., а умер в 1555, причем большинство лет этой своей жизни, а особенно в Троицком монастыре, он жил несомненно в условиях полного покоя и довольства.

И вот научная мысль наталкивается распространить еще его интересы и на летописную деятельность. Сначала в научной литературе появляется общая мысль¹ об участии всех вообще митрополитов в ведении государственной летописи, потом А. А. Шахматов, на основании указанной среди рукописей Иоасафа Летописи 1437—1520 гг. высказывает догадку, что «при участии Иоасафа, по его заказу, под его наблюдением произошло составление Никоновской летописи»;² затем Иконников,³ на основании обоих этих ученых, высказывает мысль, «не был ли делом его (т. е. Иоасафа) труда, как вдохновителя, и Воскресенский свод».

¹ Не знаю кому принадлежащая, взял ее у Иконникова, Опыт русской историографии, II, кн. 2, стр. 1238, прим. 3, но цитация там, очевидно, спутана.

² Иоасаф. лет. ЖМВПр., 1904, кн. 5.

³ Опыт русской историографии, II, стр. 1187, прим. 5.

Я теперь предполагаю, что митр. Иоасафу принадлежит составление Хронографа западно-русской редакции и основной части Никоновского свода. Основание для такого предположения, помимо указанных общих соображений, дает мне и содержание некоторых из указанных Иоасафовских рукописей. В них, обызывается, есть и материал для постройки такого моста, по которому мы можем, как мне кажется, пока что, безопасно перейти от житийных работ Иоасафа к работам его летописным. Во второй части описания троицких рукописей¹ под № 7 (82) значится Иоасафовская рукопись под заглавием: «Книга против папистов о исхождении св. духа». Это заглавие дано описателем: в рукописи приводятся опровержения из толкований Иоанна Златоуста на евангелие от Матфея по переводу Максима Грека, почему описатель и предполагает, что эта рукопись составлена или Максимом Греком или кем-либо из его учеников, тем более, что и составлена она, по его мнению, не позже 1553 г. Я попрошу теперь внимания к содержанию этой рукописи. Кроме указанного толкования Иоанна Златоуста, здесь читается еще: л. 33. Толкъ Аполлинарія . . . из Максимовой Толковой Псалтири; л. 35. Оотъи патр. Константина града къ Римляномъ о св. Душѣ и о приносимомъ от них (т. е. от Латин) опрѣсноку»; л. 61. Отъ Никоновского посланія . . .; л. 66 об. От житія св. Симеона чудотворца, иже на Дивней горѣ и л. 67 «Из соборныхъ правилъ . . .» А если мы откроем еще рукопись № 5 (187) под заглавием «Мѣрило праведное» и «Кормчая», то там на л. 58 (гл. 3) найдем «Главы избраны отъ правилъ св. Апостолъ и седми вселенскихъ святыхъ соборовъ»; на л. 214 (гл. 40) «Никиты пресвитера . . . къ Латыномъ о опрѣсноцѣхъ»; на л. 220 (гл. 41) «Правило 11-е 6-го собора, иже въ Трулѣ», и на л. 226 об. (гл. 46) «О Фрязехъ и прочихъ Латынѣхъ». Припомним отмеченные выше лишки Никоновской летописи по сравнению с ее летописным источником: — вот, следовательно, где источник этих вставок Никоновской летописи! И я, с одной стороны, и эту рукопись № 7 считаю не Максимовой, а Иоасафовой, а с другой вижу здесь подтверждение и гипотезе о принадлежности Иоасафу и указанных вставок в Никоновский свод. Кстати, укажу в этой же рукописи еще на статью об «отложеніи мяса инокомъ» (л. 54 и др.), самая формулировка какой-либо фразы напоминает нам Хронограф ред. 1512 г., а этот Хронограф, как указывалось, несомненно был в руках составителя и Хронографа западнорусской редакции и Никоновского свода. А если мы заглянем еще в Иоасафовскую рукопись № 19 (42), заключающую сочинения Максима Грека, то на л. 60 об. прочтем: «Того жъ Максима Грека слово обличительно

¹ Арх. Леонид. Сведения о славянских рукописях библиотеки Троицкой дух. семинарии (Моск. дух. академии). М. 1887.

на Агарянскую прелесть и оумыслившаго ея сквернаго пса Моамеова». Обращаю внимание на эту форму «Моамеова», повторяющуюся и далее на л. 92 об.: такая форма мне известна еще только в Хронографе западнорусской редакции, в статье о взятии Константинополя турками и в ее литературных отражениях.

Наконец, еще более интересно для нас в данном случае Иоасафовская рукопись № 1 (88). Это — Миней-четья, писанная, по мнению описателя, до 1547 г., где на л. 517 читается повесть «О чудесном зачатии и рождении вел. кн. Василя Ивановича всея Русии самодержца. . . Ся же повѣсть (говорится далее) явлена быше митрополитом Иоасафомъ всея Русии, еже онъ слыша отъ усть у самого вел. кн. Ивана Васильевича всея Русии». И вот следует обратить внимание на то, как эта повесть начинается: «Державствующу оубо благочестивому государю и вел. кн. Ивану Васильевичу, сыну вел. кн. Василя Васильевича, внуку же вел. кн. Василя Дмитриевича, правнуку достохвальнаго великаго князя Димитрія Ивановича...». Нельзя не вспомнить здесь руки составителя западнорусской редакции Хронографа и основной части Никоновского свода.

Я исчерпал все свои материалы. Теперь считаю только необходимым, ввиду моих нередких уклонений в сторону от основной моей задачи, собрать в одну общую, конечно гипотетическую, картину ряд данных мною выводов по вопросу о Никоновском своде.

В 1551 г. выходит в Кракове Хроника Мартина Бельского. В 1552 г. она становится известной живущему на покое в Троицкой лавре митрополиту Иоасафу. Эта Хроника могла быть привезена из Польши и в среде посольств, бывших в 1552 г. не только ко двору царя, но и ко двору митрополита,¹ и через людей кружка известного старца Артемия, бывшего в 1551 г. игуменом Троицкого монастыря. Артемий несомненно имел сношения с западной Россией и, как уже точно известно, очень интересовался западными церковными учениями, особенно протестантизмом. Думается, не в кружке ли Артемия митрополит Иоасаф нашел себе и помощника в своем хронографическом труде. Я имею в виду и возникновение самого интереса к Хронике Бельского и встречающееся в западнорусском Хронографе указание на перевод Скорины и помещенный в нем текст повести о взятии Царьграда, переведенной с латинского и до того в отдельном виде известной только в югозападной России, и эту югозападную литературную манеру давать, помимо общих заголовков, подробные оглавления содержания текста на полях и, наконец, то обстоятельство, что эта редакция Хронографа распространилась исключительно в юго-

¹ Сборник Русск. Ист. Общ., т. 59.

западной России, куда, как известно, бежали потом почти все деятели этого кружка. С другой стороны, для русских в их полемике с католичеством в высшей степени интересной была эта «Хроника всего света» не только по своему новому для них содержанию, но и по тому антипапскому духу, каким она проникнута. Митрополит Иоасаф, конечно, должен был заинтересоваться этой книгой. Я не могу указать точно, что собственно в этот период могло возбудить против папистов поборников православия. Мне известно выступление в 1518 г. Максима Грека против Николая Немчина (Булева), известна присылка в 1525 г. папой Климентом VII посла Павла Генуэзца с грамотой о союзе Московии с Римом, но это уже сравнительно далекие годы. Более подходило бы для нас назначение в Москву папою Юлием III в 1550 г. двух нунциев, графа Герберштейна и Иоанна Штемберга, для переговоров с Грозным о присоединении его со всем русским народом к Римской церкви, за что в грамоте обещалось ему провозгласить его царем, прислать ему все царские регалии и короновать его в Москве через примаса России, московского архиепископа.¹ Но это посольство не состоялось, так как оно было задержано польским королем Сигизмундом Августом. Не дошли ли все-таки тогда же до Москвы вести об этом посольстве? Во всяком случае, мы видим, что появляется принадлежащая, как я полагаю, митр. Иоасафу специальная статья против папистов, и в исторический сборник, составляющийся в 1553—1555 гг., вносится им ряд таких же полемических статей.² Вот на подобные же антипапистские места обратил внимание Иоасаф и в Хронике Мартина Бельского и внес их в русский Хронограф.

Но эта Хроника и вообще наталкивает его на мысль сделать по ней пересмотр и дополнить имевшийся у него русский Хронограф. Что это была за редакция Хронографа, точно установить мы не можем, но тип ее дошел до нас, с одной стороны, в так называемом Русском Временнике, с другой — в Хронографе редакции 1599 г.³ По вопросу о составлении этого Хронографа я укажу только на свидетельство некоторых списков Хронографа второй редакции, напр. Погодинского № 1445,⁴ или напечатанный Амфилохием,⁵ что в XVII в. был известен экземпляр так называемого «Еллинского Летописца», принадлежавший Максиму Греку, а

¹ *Histor. Russiae Monum.*, I, №№ 130—133, р. 134—141 (История русск. церкви Макария, т. V, стр. 387).

² Вспомним здесь кстати и указанную выше (стр. 277) вставку в формулу Исповедания веры, произнесенной Иоасафом при посвящении в митрополиты, слов о Исидоре и «несвященном латинском» (Флорентийском) соборе.

³ Список ее есть в Библ. Акад. Наук, № 31. 6. 27.

⁴ Здесь на верхнем поле л. 19 той же рукой приписано: «Сіа повесть о огненномъ потребленіи и о челоуѣцехъ зміеножныхъ выписано изъ лѣтописныхъ книгъ Максима Грека».

⁵ Летописец, списанный св. Дмитрием в Украинѣ с готового 2-й редакции до 1617 г. М. 1892, стр. 31.

Еллинский Летописец, как раз, и был основным источником в переработке указанного типа Хронографа; а для хронологии добавлю еще, что Русский Временник был составлен в 30-х годах XVI столетия. Кроме того, в руках Иоасафа несомненно был еще Хронограф редакции 1512 г. типа списка Погодинского № 1443. Но осуществлена была им эта мысль не сразу. Повидимому, уже в это время Иоасаф не только интересовался, но и работал над русским летописным сводом. Наличие в его библиотеке Летописи 1437—1520 гг. подтверждает это. Кроме того думается, что внимание к летописи должно было возникнуть и вообще после московского пожара 1547 г., когда погорели и царские палаты и казенный двор с царской казною, и специальная царская казна, и постельная палата с казною, и двор митрополичий, и в городе все дворы и палаты, и Чудовской монастырь выгорел весь, и Вознесенский монастырь, и монастырь Рождественский. . . «таков пожар», заканчивает летописец, «не бывал на Москвѣ, как и Москва стала именоваться».¹ Несомненно, тогда погорели и книжные собрания как государственные, дворцовые и владычные, так и многие частные и среди них, конечно, летописные своды. Это должно было навести Иоасафа на мысль составить общерусский свод и, конечно, уже в духе и масштабе нового политического самосознания. С другой стороны, как только эта мысль назрела, естественно, под влиянием Хроники Мартина Бельского, явилась у него и другая — переработать имевшийся у него русский Хронограф в подобную же всемирную, но православную Хронику, исключив из него русские летописные статьи и введя туда новые исторические данные Хроники Бельского. Так и пошла, под руководством и при непосредственном участии митр. Иоасафа, работа над этими двумя памятниками.

В Москве несомненно знали об этой работе Иоасафа, но Москва, по указанным причинам интересовавшаяся больше собой, следила только за работой над летописным сводом; к Хронографу она была равнодушна. Что же касается летописного свода, то, как показывают дальнейшие обстоятельства, несомненно, что среди правительства уже тогда имелись виды на него. В 1555 г. митр. Иоасаф умирает, и обе работы остаются незаконченными, особенно летописный свод. Что же с ними происходит дальше? Оставшимися подручными работниками Иоасафа — Хронограф перебелается в том виде, в каком он остался после Иоасафа, т. е. с дополнениями на полях и пропусками в тексте мест для заполнения из новых источников (таков список Буслаева Q. IV. 378, Публ. библ., положенный в основу издания этого Хронографа), а летописный свод, редакторская обработка которого была

¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 152—154.

доведена митр. Иоасафом приблизительно до 1454 г., был механически дополнен приготовленными редактором. но еще в сыром виде, материалами до 1520 г. и затем переписан на бело, причем вначале из тех же источников были введены статьи о епископиях и епископах и к ним присоединена вкладная Троицкому монастырю вел. кн. Дмитрия Ивановича Донского. В таком виде эта последняя рукопись и была положена на хранение в ризницу Троицкого монастыря, как его собственность.

Но Москва, хорошо знавшая эту работу Иоасафа, вскоре же потребовала к себе и эту рукопись и ее оригинал. Там дальнейшую работу над этим сводом передают уже в официальные руки, которые и выполняют ее официально: троицкую рукопись разбирают на части и раздают их для переписывания одновременно нескольким писцам, причем правка велась, новидимому, где по белой копии, где по черновику; затем, после некоторого промежутка времени, текст ее продолжают: с 1521 до 1534 г. из Воскресенской летописи (в списке до нас недошедшем), с 1534 до 1553 г. из «Летописца начала царства вел. кн. Ивана Васильевича»¹ и, наконец, с 1553 по 1556 г. из официальных списков «черных», что писати въ Лѣтописецъ лѣтъ новыхъ», которыми в то время заведывал Алексей Адашев. Так получился Патриарший список, очевидно и составившийся при дворе митрополита. Между тем троицкая рукопись попала потом в другие руки, но в тех же правительственных кругах. В 1558 г. ее также продолжают, именно с 1520 по 1541 г. по (неизвестному нам) списку Воскресенской же летописи, но в третьей ее редакции, с 1542 по 1556 г. по списку Патриаршему и до 1558 г. из той же официальной «черной» летописи. Так получился список Оболенского.

Так представляется мне история составления Никоновского свода.

С. Розанов.

¹ См. в указ. работе Н. Ф. Лаврова, стр. 74—89.